

DOI 10.32726/2411-3417-2020-1-6-29
УДК 303; 32

Оксана Гаман-Голутвина

Современная сравнительная политология перед вызовами развития

Аннотация. *Статья посвящена анализу современного состояния сравнительной политологии в контексте эволюции политической науки в целом. Автор приходит к выводу, что существующие в этой науке принципиальные проблемы обусловлены упрощенным пониманием теории и методологии. В теоретическом измерении политология отстает от постнеклассической картины мира, для которой характерно соединение случайности и необходимости, обратимости и необратимости, линейности и нелинейности, динамичности и стабильности и т.п. Доминирует упрощенное понимание методологии как науки о методах, а не как способа рассмотрения объекта посредством помещения его в более широкий метаконтекст. Относительно инструментария отмечается неактуальность противопоставления качественных и количественных методов и нецелесообразность сведения палитры количественных методов к отдельным их категориям. Тем не менее прогноз дальнейшего развития компаративистики — позитивный, поскольку по многим направлениям ведется кропотливая «лабораторная» работа.*

Ключевые слова: *политическая наука, политическая компаративистика, методология, метод, количественные и качественные исследования, научная картина мира.*

Ко второму десятилетию XX в. сравнительная политология утвердилась в качестве самостоятельного и одного из ведущих направлений политической науки, что в 1912 г. было официально зафиксировано созданной в 1903 г. Американской ассоциацией политической науки (ААПН, или APSA) [Wahlke, p. 58; Ильин Сравнительный...]. Перечень достижений компаративистики за прошедший век обширен. Достаточно назвать только некоторые из них: предпринятое А. Тойнби монументальное сравнительное исследование цивилизаций; стэнфордский проект по изучению кризисов и политических изменений; концептуальная карта Европы С. Роккана; сравнительное изучение политических режимов, системных изменений институтов (в том числе административных, партийных и электоральных) и неинституциональных измерений — политических культур и политического лидерства. На протяжении нескольких десятилетий срав-

Сведения об авторе: ГАМАН-ГОЛУТВИНА Оксана Викторовна — член-корреспондент РАН, профессор, заведующий кафедрой сравнительной политологии МГИМО МИД России, президент Российской ассоциации политической науки (РАПН), председатель ФУМО «Политические науки и регионоведение», председатель Экспертного совета Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ), член Общественной палаты РФ, доктор политических наук, ogaman@mail.ru.

нительная политология была главным источником критических инноваций для всей политической науки [Schmitter, p.35], что во многом определялось ее способностью сопрягать философско-субстантивные, инструментальные и политико-прикладные измерения [Munck, Snyder, p. 59].

Торможение в развитии субдисциплины и, отчасти, политической науки в целом намечилось на рубеже XX–XXI вв. Это было установлено в ходе проведенного в 1994 г. исследования на основании собранных ранее в США данных относительно того, в каких научных отраслях достигнуты самые впечатляющие прорывы и в каких они наиболее ожидаемы. В анализе участвовали представители 32 дисциплин широкого спектра — от физики до психологии. Последнее, 32-е, место в рейтинге достигнутых и ожидаемых результатов заняла политическая наука [Hargens, Kelly-Wilson, p. 1177–1195].

С тех пор прошла четверть века, однако энтузиазма в оценках не прибавилось. Более того, для последних лет характерны выводы о наступлении кризиса в эволюции политической науки [см.: Таагерера Science... Патцельт, с. 72; Ильин Современная... с. 40–42]. Этот вердикт обосновывается отсутствием на протяжении последних десятилетий значимых новых идей, крупных эвристически эффективных теорий / парадигм (М. Ильин), способных дать ответ на критические политико-интеллектуальные вызовы, и/или искажением методического инструментария (Р. Таагерера). По мнению известного специалиста по эволюционной морфологии, члена исполкома Международной ассоциации политической науки (МАПН), немецкого профессора В. Патцельта, имеются и иные основания для скепсиса: современная политология замкнута в рамках западного этноцентризма, погружена в актуальность в ущерб историческому контекстуализму, неспособна к критической саморефлексии и состоит в непродуктивных отношениях с практической политикой [Патцельт, с. 72].

Рассмотрим состояние политологии посредством обращения к ее компаративной ветви. Положение в этой субдисциплине весьма показательно, поскольку политическая компаративистика — наряду с номотетической политической теорией — входит в разряд системообразующих областей политической науки. Каковы сегодня методологические параметры сравнительной политологии, насколько адекватен ее инструментарий, какие вызовы встают перед этой научной отраслью, и наконец, является ли ее состояние и состояние политической науки в целом кризисным?

Методологический вызов

Сосредоточимся на тех методологических проблемах компаративистики, которые являются общими для политологии в целом. Исходной предпосылкой эффективности научного направления является релевантность его системообразующих параметров актуальной научной картине мира (НКМ). Последняя представляет собой базовую эпистемологическую матрицу, задающую способ и стиль научного мышления. Поскольку в современной философии науки сложилось определенное представление об эволюции НКМ [Степин; Алексеева Теория...], мы коснемся лишь тех параметров НКМ, которые имеют отношение к нашей теме. Применяемые в современной политической науке

методологические подходы и инструменты не соответствуют или не вполне соответствуют субстантивным характеристикам актуальной НКМ. Это несоответствие, на наш взгляд, не является критическим, но требует существенного обновления методологического аппарата.

Понятие «картина мира», как считается, первым ввел Людвиг Витгенштейн в «Логико-философском трактате» (1921). Мартин Хайдеггер в статье «Время картины мира» (1927 г.) определил мир как обозначение сущего в целом, к которому относятся космос, природа, история и, более того, вся мирооснова [Хайдеггер, с. 102]. В понимании М. Хайдеггера, картина мира — это изображение «сущего», а мировоззрение — отношение человека к «сущему». Хайдеггер приходит к принципиально важному выводу: историческая субъектность начинается с момента рефлексии картины мира, и с этого момента начинается деятельность человека как субъекта исторического процесса. Операциональное понятие современной философии науки — концепт научной картины мира — охватывает лежащие в фундаменте культуры мировоззренческие структуры: «образ мира», «модель мира», «видение мира» [Степин].

Анализ эволюции НКМ и ее вклада в процессы производства нового знания позволил выделить классическую, неклассическую и постнеклассическую картины мира. Первая системная научная картина мира — классическая (механистическая), сформировалась как переосмысление донаучного отражения реальности в XVII–XIX вв. на основании открытий Коперника, Галилея и Ньютона. Ее ключевыми характеристиками были однозначная и универсальная причинно-следственная зависимость, в рамках которой все состояния могли быть просчитаны и предсказаны, прошлое определяло настоящее, а настоящее — будущее. Объекты были представлены как существующие изолированно, в строго заданной системе координат. В природе случайность исключалась; обратимость времени определяла одинаковость всех состояний механического движения тел; пространство и время считались абсолютными. Требование элиминации субъективности как возмущающего фактора стало основной посылкой гносеологии. Ключевыми ориентирами выступали редукционизм и рационализм. Редукционизм как сведение высоких форм движения к более низким, предполагающее тождественность законам простейшей, механической, формы, вытекал из теории Ньютона, по которой Вселенная состоит из взаимодействующих по законам механики «материальных точек» (организм рассматривался как сложная версия механизма). Рационализм с его безграничной верой в возможности разума стал новой религией и обрел статус универсального инструмента познания.

Представление об однородной механической Вселенной как о часовом механизме было перенесено на иные сферы, включая социальное управление. Как заметил Олвин Тоффлер в предисловии к книге Ильи Пригожина и Изабель Стенгерс «Порядок из хаоса. Новый диалог человека с природой» [Пригожин, Стенгерс], механицизм явно преобладал в умах авторов Конституции США, проектировавших структуру государственной машины, все узлы которой должны были действовать с безотказностью и точностью часового механизма.

В результате революционных достижений естествознания на рубеже XIX–XX вв., связываемых в первую очередь с именами Альберта Эйнштейна, Макса Планка, Нильса Бора, на смену классической НКМ пришла неклассическая (квантово-релятивистская) картина мира. Она привнесла новые взгляды на субъект-объектные отношения, вбирающий противоречия стиль мышления и более гибкую модель детерминации, учитывающую фактор случайности как проявления закономерности. Развитие системы стало мыслиться направленно, будучи подчинено статистическим закономерностям, законам вероятности и больших чисел, тогда как ее состояние в конкретный момент времени не детерминируется. Отсутствие жесткой детерминированности на индивидуальном уровне сочетается с детерминированностью на уровне системы. Сущность неклассической картины мира выражает принцип дополнительности, сформулированный Вернером Гейзенбергом: «Одно и то же событие мы можем охватить с помощью двух различных способов рассмотрения. Оба способа взаимно исключают друг друга, но также дополняют друг друга, и лишь сопряжение двух противоречащих друг другу способов рассмотрения полностью исчерпывает наглядную суть явлений» [Гейзенберг, с. 205–206]. В противоречащих одно другому явлениях присутствуют равно существенные аспекты единого комплекса сведений об объектах [Бор, с. 393]. Эвристический смысл неклассического типа рациональности заключается в акцентировании вероятностного движения, роли случайности, многовариантности развития, возможности сосуществования разнокачественных характеристик.

На исходе XX в., в результате кризиса квантово-релятивистской парадигмы, определились главные контуры постнеклассической картины мира. В ее основу легли выдвинутые немецким физиком Германом Хакеном идеи синергетики, сосредоточенной на изучении самоорганизации открытых систем. Параметрами самоорганизующихся систем становятся стихийно-спонтанный структурогенез, нелинейность, неустойчивость, неравновесность, непредсказуемость, темпоральность (повышенная чувствительность к ходу времени), открытость в ходе обмена веществом, энергией и информацией с внешним миром. В синергетической картине мира преобладает становление, отличающееся многовариантностью и необратимостью. Синергетика внесла в миропонимание возможность резонансного воздействия на систему, находящуюся в неравновесном состоянии («эффект бабочки»). Ключевым эвристическим принципом становится нелинейность, предполагающая отказ от однозначности и унифицированности в пользу методологии разветвляющегося поиска и многовариантного знания.

Основу постнеклассической картины мира составили достижения школы И. Пригожина (который, родившись в Москве в год Русской революции, совершил революцию научную). Постнеклассическая картина мира открывает новую онтологию реальности, радикально меняющую и гносеологию: если классическое научное знание построено на картезианском каркасе мира, то постнеклассическое опирается на холистическое видение мира и переосмысление времени. Кроме того, постнеклассическая наука расширяет поле рефлексии: получаемые знания об объекте соотносятся не только с процессом и субъектом, но и с его ценностно-целевыми структурами [Степин].

Классическая НКМ описывала предметную реальность в рамках модели научного знания, позже концептуализированной позитивистской философией науки. Неклассическая научная картина мира рассматривает реальность не как совокупность тел в пространстве, а как сеть взаимосвязей. В постнеклассической НКМ реальность, трактуемая как сеть взаимосвязей, включает познающего субъекта. Философская рефлексия синергетики открывает возможность сосуществования всех трех научных картин мира, синтезируя и примиряя их на основании принципа дополнительности и обретая статус не только науки, но и мировидения. Она становится инструментом постижения сложного нелинейного мира, в котором соседствуют или противостоят друг другу случайность и необходимость, устойчивость и неустойчивость, детерминация и индетерминация, обратимость и необратимость, равновесность и неравновесность, линейность и нелинейность, динамичность и стабильность, свобода и произвол, а также иные взаимоисключающие характеристики мира [Алиева].

Неуничтожаемость прежней картины при наступлении следующей является принципиальной характеристикой процесса смены НКМ. Это предопределено принципом соответствия Н. Бора: новая научная теория включает прежнюю теорию и ее результаты как частный случай. Как показал И. Пригожин, элементы и законы ньютоновской механики сохраняют свое локальное значение и продолжают функционировать в нишах, для которых характерны устойчивость, порядок, однородность, равновесие, замкнутость и линейные соотношения. Механистическая парадигма, несмотря на ее ограниченность, остается точкой отсчета для многих направлений мысли и продолжает определять мышление в ряде направлений социально-гуманитарного знания, в том числе в политической мысли.

Татьяна Алексеева справедливо констатирует запаздывание вхождения теории международных отношений (ТМО) и смежных областей, включая политическую науку, в неклассическую и постнеклассическую эпоху [Алексеева Теория...]. Одной из попыток обновить в этом смысле политологию и ТМО, имплантировать в них элементы неклассической и постнеклассической картин мира стали идеи конструктивиста Александра Вендта, предложившего рассматривать социальную науку под углом зрения квантовой физики [Wendt; Алексеева, Минеев, Лошкарев, Ананьев]. Этот подход расширяет возможности для обоснования теоретического плюрализма, поскольку использование квантово-волнового дуализма позволяет, в частности, примирить ряд противоположных философских течений. Крупная актуальная задача политического знания — понять, каким образом постнеклассические сдвиги проецируются в политическую сферу. Очевидно, что для политики все более характерны экспоненциальное универсальное нарастание нелинейной динамики, движение к нестационарной системе социальных связей, деиерархизация власти в пользу сетевой матрицы, распространение гибридных форм организации управленческих институтов и т.д. Параметрами политического мира становятся размывание референтов и референций, явление незавершенной переходности, составляющее «ускользающую натуру» текущего времени. В *онтологическом* плане постнеклассическая картина политического мира проявляется в том, что, как выразился Зигмунт Бауман, «указатели поставлены на колеса и имеют дурную привычку исчезать из вида, прежде чем вы успеете прочитать то, что на них написано, осмыслить прочитанное и поступить соответственно» [Бауман, с. 113–114].

Важно понять, как именно должно меняться политическое знание в контексте изменения научной картины мира и общей методологии науки. Очевидно, что речь идет не об однонаправленной связи причина-следствие, а о более сложном взаимовлиянии. Проблема заключается в прояснении этой взаимосвязи и соответствующем переосмыслении эпистемологии политического знания. Пока же преобладающей методологией политической рефлексии остается по преимуществу механистическая гносеология: динамичные нелинейные процессы рассматриваются в линейно-детерминистском ключе. Гносеологическая некорректность коренится в ограниченности *методологии* политологии и компаративистики в частности.

В чем истоки сложностей в обновлении политической методологии? В 1980-х годах Кристофер Ахен скептически оценил аутентичность политической методологии, отмечая, что она в большой мере построена на заимствованиях — на «поддержанных преобразованных инструментах, созданных в свое время представителями других дисциплин» [Achen Towards theories...]. «Отсутствием дисциплинарной аутентичности» Хейуард Роуз Алкер-мл. объяснял «комплекс неполноценности» политических методологов [Алкер, с. 766, 769]. Действительно, недавно вышедшее в свет первое в России фундаментальное издание по методологии политической науки [Современная политическая наука...] показало, что большинство представленных в этом компендиуме парадигм в той или иной мере востребовано также смежными дисциплинами.

Однако уязвимость политической методологии видится не в этом. Еще в середине 1990-х годов Х.Р. Алкер-мл. предлагал переосмыслить основы политической методологии, «определение которой как политической статистики слишком узко» [Алкер, с. 776]. Путь к достижению ее аутентичности он видел в преодолении «антипатии к философским течениям в рамках социальных наук и к теоретическим спорам, начатым еще классиками политических исследований» [Там же]. Позиция Алкера развивала подход, изложенный еще Хэдли Буллом в его статье 1969 г., положившей начало «вторым большим дебатам» в теории международных отношений. Известный британский теоретик считал недопустимым редуцирование международной политики к ее позитивистской интерпретации: «Студент, для которого изучение международной политики сводится исключительно к введению в методики теории систем, теории игр, симуляции или контент-анализа, просто отрезан от предмета; это отнюдь не способствует развитию его интуиции, касающейся превратностей международной политики или моральных дилемм, к которым они приводят» [Bull, p. 24–25]. Алкери Булл были отнюдь не одиноки в подобных оценках, однако их призыв оставался без внятного ответа.

Мэтр современной политологии, соавтор известного концепта эффективного числа партий Рейн Таагепера в начале наступившего столетия настаивал на необходимости существенного расширения методологии социальных наук. Оценивая гносеологический аппарат политологии, Таагепера вел речь, среди прочего, не просто о применении математики и вычислений, а «об уместном их соединении с логикой и другими исследовательскими возможностями» [Taagepera Making... Taagepera Logical...]. Причем в 2016 г. он говорил об этой проблеме уже едва ли не в алармистской тональности,

подчеркивая, что «политология, как и другие социальные науки, сегодня *менее* научна, чем полвека назад» [Taagepera Science...].

Такое положение тем более удивительно, что предпосылки прорыва в мировой компаративистике / политологии налицо: впечатляющий эвристический потенциал, солидный корпус исследователей, интенсивность и качество профессиональной коммуникации. Уплотняется и формирующий повестку список системных вызовов — достаточно упомянуть новую проблему искусственного интеллекта. Почему же прорыва не происходит? О причинах, как и об оценке состояния политической науки по существу, можно спорить. На наш взгляд, надо говорить скорее об инерционной фазе в развитии научного знания — «нормальной науки» в терминологии Т. Куна. Но это не снимает вопроса об эвристической уязвимости политологии в целом и ее сравнительной ветви в частности. Поскольку речь идет о многофакторном явлении, ответ не может быть односложным. Однако в данном контексте принципиальное значение имеет качество методологии — именно от него зависит эвристическая эффективность.

Можно предложить три неисчерпывающих объяснения «застоя». 1) Методологический дискурс вытеснен на далекую периферию дисциплины. 2) Налицо дисбаланс в использовании различных категорий методов: применение статистических методов гипертрофировано в ущерб всей палитре количественных, и тем более качественных инструментов. 3) В сфере собственно методологии слабо сопряжены актуальный и исторический опыт: доминирует американская сциентистская традиция, порвавшая с традициями английского историзма и, шире, — с традициями континентальной европейской философии; кросс-темпоральный компаративный анализ недостаточно обоснован методологически и методологическое обоснование порой выглядит как «уходящая натура».

Затронем лишь две первые из отмеченных проблем. Прежде всего обращает на себя внимание смещение фокуса методологических дискуссий: под рубрикой *методологии* обсуждаются вопросы *методики* — процедуры, техники и методы. Посвященный методологии раздел знакового издания «Политическая наука. Новые направления» на три четверти посвящен методическим вопросам [Политическая наука]. Изданный в Оксфорде объемный фундаментальный труд по политической *методологии* «The Oxford Handbook of Political Methodology» [The Oxford...] представляет собой главным образом обсуждение *методов*, как и соответствующий раздел другого авторитетного издания «The Oxford Handbook of Political Science», [Brady, Collier, Box-Steffensmeier Overview...], и так — повсеместно. Характерно, что такой подход складывался на протяжении десятилетий. Л. Бартелз и Г. Брейди в начале 1990-х годов перечисляли заимствования в политической методологии из других дисциплин: технические приемы для применения событийного счета, пространственные модели и модели ложных определений, параметры совокупных данных, измерения пропавших данных, анализ данных динамического ряда [Bartels, Brady, p. 121]. Конечно, выбор методов задается методологической оптикой, ракурсом, однако это никак не заменяет обсуждения методологической проблематики. Налицо подмена даже не понятий — системных категорий, а значит, неблагополучие в выстраивании профессионального дискурса.

Путаница, встречающаяся даже в солидных академических изданиях (и отечественных, и зарубежных), побуждает к уточнению ключевых эвристических инструментов. Хрестоматийно известное различие теории, методологии (которая в случае с политологией нетождественна философии политики!), методике и методов исследования — отнюдь не достояние прошлого.

Теория – совокупность логически увязанных между собой утверждений/суждений, выведенных из исходных предположений/допущений, призванная дать объяснение/характеристику изучаемых явлений/процессов. Наиболее общие (большие теории) представляют собой метатеории — парадигмальные/межпарадигмальные конструкции, являющиеся масштабными средствами интерпретации крупных областей/процессов и связывающие онтологические, методологические и эпистемологические измерения. Хотя идеи Т. Куна принято критиковать, введенное им понятие *парадигмы* в качестве модели постановки проблем и их решений имеет существенную ценность. Предложенный Робертом Мертоном термин *теории среднего уровня* обозначает конструкции, находящиеся между частными рабочими гипотезами и всеохватными систематическими попытками разработать единую теорию, способную дать объяснение всем типам социальных изменений. Наконец, *частные теории* описывают конкретные параметры объектов/процессов и операционализируют объяснительные возможности теорий среднего уровня.

Методологию никак нельзя свести к методам — это контекст интерпретации, определяющий систему координат, исходные установки, принципы и способ рассмотрения предмета. Разница между *теорией предмета* и *методологией его изучения* состоит в том, что теория объясняет структуру/действие явления/процесса, а методология задает модус/ракурс/способ его рассмотрения посредством помещения в контекст более общих парадигмальных конструкций, близких к метатеориям. В сфере политики различие между *политической методологией* и *политической философией* состоит в том, что первая задает принципы и способ рассмотрения *политического мира*, тогда как вторая фокусируется на *отношениях человека и политического мира*. *Методы* представляют собой совокупность разнообразных эвристических средств, стандартов, правил, инструментов, позволяющих выявлять причинно-следственные связи, закономерности и тенденции развития мира политики [Гаман-Голутвина Сравнительная политология, с. 25]. *Методика* – совокупность приемов, техник, процедур применения методов.

Следует отметить, что разграничение политической методологии и политической философии необходимо в аналитическом смысле; в реальном же процессе познания политическая философия выполняет и методологическую функцию. По сути, любая политическая методология — это то или иное понимание политики, явно или неявно основанное на определенной философской системе. Из этого вытекает фактическое единство методологии и онтологии, и за различными методологиями — будь то бихевиоризм, структурно-функциональный анализ, сетевой подход или картирование — стоят определенные трактовки политики.

Понимание методологии в мировой политической науке определили особенности американской компаративистики — не только старейшей, но также и наиболее профессионально развитой школы. В свою очередь, в США характер дискурса о политической методологии во многом определен относительной молодостью этой субдисциплины, которая сформировалась только в середине 1970-х годов, когда был основан журнал «Политическая методология», позже переименованный в «Политический анализ» [Beck]. Как вспоминал К. Ахен, тогда политическая методология чаще была призванием, чем профессией: «Ни один политологический журнал не приветствовал методологические статьи, и многие журналы отклоняли их сразу же. Никаких форм организации политических методологов, которые бы агрегировали их потребности, не существовало» [Achen Editorial].

В начале 1990-х годов крупный специалист в области количественного анализа Гэри Кинг привел целый ряд понятий, определивших то, что «сейчас мы называем политической методологией» [King On Political... p. 1]: «политическая статистика» (год появления — 1926), «политическая арифметика» (1971), «полиметрия» (1972), «количественная политическая наука» (1973), «политиметрия» (1975), «политометрия» (1976) и т.д. Г. Кинг однозначно отождествил политическую методологию с количественным анализом и выделил пять этапов эволюции этого направления в XX столетии, исходя из масштабов и сложности применяемых количественных методов. Последние главным образом заимствовались из других областей — по признанию Кинга, без должной модификации или адаптации, — прежде всего из эконометрии и психометрии. Но то уже в 1980–1990-х годах отождествление политической методологии с количественным анализом подверглось критике. К. Ахен настаивал на том, что взятые из других областей статистические техники не должны доминировать в политической методологии, и призывал развивать теорию [King On Political... p. 9].

В начале XXI в. политическая методология все еще считалась «молодой» субдисциплиной [Achen Toward a New... p. 423]. С тех пор она прошла период активного роста, и в настоящее время две секции по политической методологии относятся к крупнейшим в Американской ассоциации политической науки. При этом и сегодня характер данной субдисциплины продолжает трактоваться лишь как знание о методах, как «характеристика методов и способов подбора методов для решения вопросов политической науки» [Roberts, p. 597].

Существенную роль в американском понимании политической методологии сыграл генезис политической науки. Можно выделить четыре мотива, повлиявших на идентичность этой научной отрасли при ее построении в США. А АПН возникла в начале XX в. в результате выделения инициативной группы из Американской исторической ассоциации. Стремясь обрести отдельную от историков идентичность, политологи положили в основу определения своего предмета дистанцирование от истории. Во-первых, они оставили историкам прошлое и сосредоточились на современности, во-вторых — ограничили ракурс своего анализа формально-юридическими измерениями политики, предоставив изучение остальных социальных факторов другим. В-третьих, новая наука Нового Света стремилась обрести собственное лицо, отличное от европейских социо-

научных школ, — отсюда ее дистанцирование от традиций европейского теоретизирования в области философии, истории, социологии. Это отличало политологов от социологов, которые и в США работали в логике европейской теоретической традиции, что способствовало впечатляющему и продуктивному развитию американской социологии в XX в. В-четвертых, политологи, опять же в отличие от социологов, изначально стремились к специализации, и это определило эмпирический профиль новой науки. Данный алгоритм становления имел серьезные последствия: политология формировалась вне адекватного исторического, теоретико-методологического и философско-социологического контекста и была по сути лишена теории, будь то метатеория или теории среднего уровня [об истории отрасли см.: Munck, Snyder].

В дальнейшем арсенал политической методологии в США складывался в немалой мере путем инкорпорации подходов и методов других, главным образом формализованных, дисциплин, особенно прикладной эконометрики. В 1980-х годах департаменты политологии даже принимали в штат эконометристов и статистиков. Политическая методология и сегодня в немалой мере опирается на эконометрику и современную статистику, хотя различия между методологией и статистикой очевидны: статистика оперирует данными, методология основана на теории [Beck]. Разумеется, существуют и менее узкие трактовки методологии политической науки. Например, в обзоре Г. Брэйди, Д. Кольера и Ж. Бокс-Стеффенсмейер [Brady, Collier, Box-Steffensmeier Overview...] политическая методология понимается несколько шире, но акцент все равно сделан на методах.

Все это, на наш взгляд, является неизбежным следствием того, что еще в середине 1980-х годов критиковал К. Ахен, — отторжения субстантивной повестки, неприятия философско-сущностных измерений политики и ее философско-методологической рефлексии как аксиологически избыточных, диссонирующих с преобладающим типом рациональности, смещения порой в плоскость *de facto*-позитивистской тональности. Несмотря на мощную традицию обсуждения политико-культурных измерений политики на протяжении более полувека, содержательно-динамические, антропологические, ценностные и в целом нормативные компоненты политической методологии оказались потеряны. Точнее, они остаются элементами предметного поля, но лишены методологической роли.

Позитивистская методология, казалось бы, давно изгнанная с официальной кафедры и раскритикованная в бесчисленном числе работ последних десятилетий, частично вернулась «через окно» — в образе новейших тенденций, которые при близком рассмотрении оказываются хорошо знакомым отрицанием «метафизики». Вариацией свежей версии неузнанного позитивизма в рамках тренда коммерциализации политического времени выглядит дальнейшее смещение дискурса в плоскость даже не утилитаризма, а упрощенной маркетизации. Экспансия эконометрики, к строгой научности которой апеллировала целая когорта политологов, и в целом экономизма имела одним из своих следствий маркетизацию политико-методологического дискурса. Наблюдаемое перерождение методологического дискурса в методический может объясняться, среди прочего, тем, что политологи в условиях кризиса политической науки совершенствовали метод и его теорию.

В отечественной политико-философской и науковедческой традиции понимание методологии принципиально иное. Она трактуется в эпистемологически-динамическом ключе — как модус/угол зрения/способ рассмотрения объекта посредством помещения его в более широкий метаконтекст, задающий фокус изучения. Сложившаяся в СССР в 1960–1980-е годы школа философии, методологии, гносеологии науки и науковедения, представленная плеядой ярких имен, принадлежала к числу наиболее развитых направлений отечественной философии и, несомненно, соответствовала мировому уровню. Состояние же современного российского политико-методологического дискурса удручает.

По-видимому, это стало результатом наложения двух факторов. Во-первых, становление отечественной политической науки, официально признанной в конце 1980-х годов, пришлось на период упадка социальной роли и авторитета фундаментальной науки в обществе. Спрос практической политики преимущественно на прикладные отрасли повлек за собой диспропорции в структуре политического знания в пользу инструментальных направлений. Во-вторых, на этапе своего становления отечественная политология восприняла не столько сильные стороны американской школы политической методологии (эффективный количественный анализ), сколько индифферентность к философско-методологической рефлексии. Более того, в постсоветском контексте этот тренд обрел гипертрофированную форму, и интерес к вопросам методологии в России упал даже ниже того уровня, на котором он находится в американской политической науке. В итоге методология изучения политики занимает маргинальное место в профессиональных дискуссиях, публикации по теме малочисленны и фрагментарны, а предметное поле поддерживается усилиями немногих энтузиастов. Подчеркнем, что речь идет именно о политической методологии (принципы, способ изучения): если философия политики (отношения человека и политического мира) все же находит в России авторов, хотя и заметно уступает прикладным направлениям, то политическая методология остается падчерицей политической науки. Не случайно первое систематическое отечественное издание по методологии было опубликовано только в 2019 г.

Необходимо подчеркнуть и другое — методологическая слабость состоит в отсутствии адекватной рефлексии о том, какой должна быть трансформация политологии, чтобы она была релевантна субстантивным и динамическим характеристикам постнеклассической политики. Одно из проявлений этого — разделенная оптика анализа статических и динамических (процессуальных) измерений нелинейных процессов. Методологический вызов заключается в императиве соединения субстантивных и динамических измерений в оптике, адекватной постнеклассической политике. Отрадно, что в последние годы методология политической науки, наконец, получает развитие благодаря деятельности Центра перспективных методологий социально-гуманитарных исследований ИНИОН РАН под руководством Михаила Ильина и изданию под эгидой этого центра специализированного ежегодника.

Что касается компаративистики, то, как и в политической науке в целом, ее принципиальная проблема видится именно в эрозии методологических оснований. Сегодня мы вновь наблюдаем многие из тех слабых мест, осознание которых в 1970-е годах

побудило к отказу от методологии бихевиоризма и структурного функционализма. Критика в адрес двух этих парадигм была связана с тем, что они ставили компаративистику преимущественно на основу позитивистской методологии и тем самым лишали ее аксиологической составляющей, делали ее мало восприимчивой к неинституциональным измерениям политики, способствовали не всегда оправданной формализации и преобладанию количественных методов анализа. Как следствие, данный тип методологии, с его эвристической уязвимостью, ограничивал возможности создания картины политического мира, обладающей многообразием адекватным реальности.

Обновление компаративистики в 1970–1980-х годах опиралось в большой мере на неоинституционализм, имеющий такое множество разнообразных направлений, что его порой не признают в качестве единого направления. Именно эта множественность неоинституционализма (наряду с целым спектром других политико-философских течений, которые также послужили источниками методологического обновления компаративистики) обуславливала ее плюралистичность в 1990-х годах и в первом десятилетии XXI в. Как справедливо констатировал Л. Сморгунов, неоинституционализм — доминировавшая методологическая парадигма сравнительной политологии на рубеже веков — определил многие особенности данного этапа ее развития. Усилилась междисциплинарность исследований; возросли роль и значение концептуализации и моделирования, равно как и степень реализации объяснительной функции сравнительных исследований. Неоинституционализм расширил политико-региональный спектр анализа на макроуровне, способствовал интересу к процессам возникновения институтов в различных культурных контекстах и расширил возможности универсальных обобщений [Сморгунов Методологический... с. 302–303].

Заслуживают внимания изменения, направленные на очищение методологии компаративистики от издержек сциентизма. Особую роль здесь сыграл конструктивизм, который стал попыткой преодолеть недостатки теории рационального выбора и экономического экспансионизма в целом, реакцией на коммуникационную революцию и повышение значимости когнитивных аспектов политики. Конструктивистский подход, восприняв идеи коммунитаризма и коммуникативизма, синтезировал достижения когнитивистики, интерпретативизма, постмодернизма и «мягких» течений неоинституционализма. В компаративистике конструктивизм оказался наиболее продуктивен в изучении политических культур и изменений; идентичности, этничности; субъективно-когнитивных сторон политики. Тем не менее, в отличие от ориентированного на нарратив и объяснение интерпретативизма (еще одного противовеса сциентизму), конструктивизм сохранил свойственный позитивизму акцент на каузальности в анализе политики, в связи с чем его нередко рассматривают как не выходящий за рамки позитивизма.

Хотя методологический плюрализм компаративистики начала XXI в. порой считается признаком ее теоретического кризиса, такая оценка не бесспорна. В последний период в отрасли усилилась тенденция к синтезу конкурирующих методологий и смягчению традиционных методологических оппозиций (анализа и описания, объяснения и понимания, позитивизма и герменевтики). Проблема состоит в том, что синтез разно-

направленных исследовательских ориентаций достигается преимущественно на пути аддитивности. В этой связи в литературе обоснованно отмечается важность поиска холистской основы, которая позволила бы разрешить проблемы методологического синтеза и повысить его роль в трансформационных процессах в компаративистике, повысив ее эвристические возможности [Сморгунов Методологический... с. 302].

В методологическом плане современная сравнительная политология мультипарадигмальна, но вопрос о непротиворечивых основаниях синтеза ее методологий остается открытым. Здесь важно не просто избежать эклектики — предстоит найти ключи к интерпретации таких измерений политического процесса, как неустойчивость, переходность, разнокачественность, что предполагает не только преодоление чрезмерно жестких эвристических схем, но и выход за границы дисциплины. Самоочевидным решением кажется междисциплинарность, однако вряд ли этот простой рецепт способен дать адекватный ответ на сложный вызов. Междисциплинарные подходы востребованы там, где источники и факторы возникновения, причины и драйверы эволюции изучаемых явлений и процессов имеют разнокачественную природу, а динамика эволюции детерминирована множеством факторов различного происхождения. Применительно к политической науке актуальность междисциплинарных исследований дополнительно обусловлена сложносоставностью предмета — вспомним знаменитую метафору Габриэля Алмонда о «столиках в кафе», отражающую множественность «школ и сект» в политической науке [Almond]. Серьезная методологическая дилемма состоит в алгоритме сопряжения этих условных «столиков»: станет ли внутренний дизайн этого многообразия вавилонской башней или же обернется «цветущей сложностью», соответствующей многослойности объекта — бесконечно сложного мира относительных истин? [Торкунов; Гаман-Голутвина Политология...]. Сложность политологии в этом качестве состоит, в частности, в том, что она оперирует закономерностями вероятностного порядка, большинство из которых имеет относительно короткий период действия [Алмонд].

Далеко не всякое пересечение межпредметного знания означает подлинно междисциплинарное исследование – велика вероятность мультидисциплинарного шведского стола (Р. Таагепера). Более эффективной представляется иная модель интеграции. Обычно междисциплинарность мыслится по предметному принципу, однако несистемный и неустойчивый *ad hoc* характер данного подхода к интеграции ограничивает его эвристические возможности и делает его методологически уязвимым.

Более многообещающей выглядит предложенная Центром перспективных методологий ИНИОН РАН идея трансдисциплинарной стратегии, меняющей связи и соотношения между предметом и методом. Трансдисциплинарное взаимодействие представляет собой трансферт знаний методологического типа, которые не затрагивают теоретического содержания дисциплин, не вносят изменений и не закрепляются в теории их предметной области. Данный подход состоит в интеграции через определенное дистанцирование от поля предметного дробления и выход в более абстрактное «надпредметное», «наддисциплинарное» пространство науки, что возможно в рамках рефлексивного подхода, получившего в современных исследованиях статус метатео-

ретического. Он образует слой знания, располагающегося как бы «поверх» поля наук, но тесно с ним связанного посредством методологической рефлексии многообразных предметных знаний. С другой стороны, этот подход восходит к всеобщим основам рефлексии как таковой, сближаясь с философией, но ориентируется на вычленение в ней особого типа научной рефлексии, связанной с общими условиями формирования и развития научных знаний. Коллеги выдвигают гипотезу о существовании именно в этом слое тех комплексов методологических и метатеоретических знаний, которые они определяют как органы-интеграторы, способствующие методологически корректной интеграции различных наук. Органы-интеграторы могут существовать вне приложения к предметным областям конкретных дисциплин, но при этом способны действовать и в определенных дисциплинарных границах, насыщаясь необходимой предметностью [Ильин Методологический... с. 6–11; Ильин, Фомин, с. 23; Авдонин, с. 266, 269]. В этом качестве обсуждаются эвристические возможности математики, семиотики и морфологии. Вскользь упоминается и потенциал компаративистики, однако ее эвристические возможности как инструмента трансдисциплинарной интеграции субдисциплин политической науки и смежных направлений остается недооцененным. Между тем именно политическая компаративистика способна эффективно выполнять функции трансдисциплинарной интеграции политического знания.

Как уже отмечалось выше, существующие эпистемологические парадигмы ориентированы на устойчивость, системность, упорядоченность. Их нерелевантность стимулирует поиск адекватных новой реальности эпистемологических конфигураций, отражающих такие явления в современной политике, как экстраординарность, случайность, неустойчивость. В последнее десятилетие вышли в свет работы Джейн Беннет, Квентина Мейасу, Бруно Латура, в которых предлагается принципиально новый взгляд на онтологию (и, соответственно, эпистемологию), объединяющий природу, технику и человека в единые «ассамбляжи» («коллективы»), по-новому ставятся вопросы причинности, субъектности, уникальности, случайности [Latour; Meillassoux; Bennett].

В контексте обсуждения новых теоретико-методологических горизонтов уместна постановка вопроса об эвристических возможностях синтеза общей космологии с социальной космологией и с когнитивистикой, подкрепленной нейронаукой (М. Ильин). Востребованы теоретические конструкты, обладающие потенциалом многомерного и нелинейного отражения характерных для постнеклассической картины мира неустойчивых состояний политической сферы как сада расходящихся тропок.

Примером служит интегративная концепция лиминальности (от лат. *limen* — порог), которая может стать новой парадигмой познания политической реальности. Как отметил Леонид Сморгунов, обобщая имеющиеся исследования по этой теме, концепция лиминальности открывает возможности описания таких состояний, когда система меняет свои структурные, идентификационные и функциональные свойства на другие, но переход остается незавершенным, что ведет к неустойчивости и росту конфликтности. Лиминальность может быть истолкована как переходное состояние между различными порядками социальности [Neumann; Сморгунов Политическое...]. Эта концепция черпает методологические основания в символической интеракционистской антропо-

логии, постструктурализме и реляционной социологии и апеллирует к реляционности и процессуальности политической феноменологии. Эвристический потенциал данного подхода может оказаться особенно востребован в политической сфере, где неразличимы современное и традиционное, насилие и слабость, свобода и подчинение, западное и восточное [Чугров]. Актуальности этому направлению добавляет специфика субъектных измерений современной политики [Соловьев; Gaman-Golutvina Political Elites in the USA... Gaman-Golutvina Political Elites in the Commonwealth... Gaman-Golutvina The Changing Role...].

Проблемой компаративистики, таким образом, является существенное отставание в интеграции постнеклассической картины мира в свой методологический арсенал, что в немалой степени связано с преобладающим влиянием сциентизма. В какой-то мере такое запаздывание оправдано тем, что ньютоновская картина мира остается верной локально. Однако ориентация на нее как на гносеологический инвариант, по всей видимости, методологически уязвима. Данное противоречие имеет объективный характер — оно обусловлено вероятностной природой политического знания, побуждающей искать источники повышения его достоверности в знании естественнонаучном, отличающемся более высокой внутренней валидностью. Но принципиальной ошибкой является обращение не к постнеклассическим теориям, а к теориям классической эпохи. В этом случае мы имеем дело с очевидным онтологическим редукционизмом, который предстает результатом редукционизма эпистемологического — сведения методологии к методу, что побуждает обратиться к рассмотрению методного измерения сравнительной политологии.

Споры о методах

Для инструментария современной компаративистики импульс бихевиоральной революции 1950–60-х годов был благотворным, и в последующие десятилетия методное оснащение субдисциплины и политической науки в целом интенсивно совершенствовалось. (При этом первое постбихевиоральное поколение американских политологов получало подготовку в рамках других дисциплин — сначала по профилю социологии, позже экономики [Beck]). Дискуссии о методах в политологии хронологически и по своей концептуальной сути совпали со вторыми «великими дебатами» в теории международных отношений и, несомненно, принесли свои плоды — методический арсенал компаративистики в настоящее время обширен и разнообразен, хотя картина далеко не безоблачна. Видный американский специалист по вопросам методного оснащения компаративистики Джон Герринг как-то заметил, что ключевые размежевания в современном социальном знании проходят не по идеологическим, а по методическим границам, и это разделение настолько глубоко, что обозначающие различные методические направления и школы определения иногда используются в полемике оппонентами как бранные [Gerring Social... p. XIX–XX].

Методная экспансия бихевиорализма и близких ему направлений была настолько активной, что в 1994 г. известный французский исследователь Матей Доган констатировал тенденцию «сверхквантификации» [Dogan, p. 37]: прогресс в методной технике

не сопровождался должным продвижением в деле корректного сбора данных и преодолением разрыва между данными и методом. Доган был не одинок в осознании проблемы — годом ранее Дэвид Кольтер [Collier; см. также Collier, Munck] представил аргументы в пользу качественных методов, а в год, когда Доган вынес свой вердикт, Гэри Кинг, Роберт Кеохейн и Видни Верба предприняли первую значимую попытку синтеза количественных и качественных методов [King, Keohane, Verba; анализ дискуссии см.: Гаман-Голутвина Сравнительная политология, с. 81–86; Локшин]. Эти авторы исходили из того, что количественные и качественные методы в главном фундаментально схожи: они прокладывают путь к строгому научному знанию, и поэтому исследовательский дизайн, применяемый в границах этих подходов, на глубинном уровне может быть одинаковым. Они старались последовательно применить к двум парадигмальным методикам один и тот же алгоритм и продемонстрировать эффективность единой логики. Ограниченная эвристическая ценность этого эксперимента была обусловлена спорностью исходной посылки: универсальная логика и проистекающий из нее исследовательский дизайн были заимствованы преимущественно из математической статистики и эконометрики.

В качестве центрального критерия и основной цели «правильного» исследования авторы рассматривали выявление причинно-следственных связей — то есть на первый план анализа выдвинулась проблема причинности. При этом использовалось понимание причинности, сложившееся в рамках количественной парадигмы, которая соответствует свойственному естественным наукам идеалу научной строгости. Однако детерминизм в такой интерпретации настолько трудно реализуем, что его можно обнаружить разве что в лабораторных условиях. Кроме того, данное понимание причинности не является единственным.

Илья Локшин справедливо обращает внимание на заслуживающие более пристального внимания альтернативы. Так, идея прослеживания причинного механизма («causal mechanisms» и «process-tracing») играет особенно заметную роль в традиции качественных исследований, при этом существенно отличаясь от модели причинности, характерной для количественных проектов. Отличие это столь глубоко, что даже элементы информации, на которых строятся выводы в этих двух моделях, различны: в количественном подходе это «наблюдение из базы данных» («data-set observation»), в качественном — «наблюдение о процессе причинности» («causal-process observation»).

Полагание на императивы количественной методной техники обусловило отсутствие внимания к прослеживанию причинного механизма. Неслучайно и такие существенные элементы исследования, как концептуализация, качество измерения, а также используемые в качественных исследованиях иные детерминистские модели остались вне поля зрения, что косвенно связано с акцентом на статистическом анализе. В целом приведенные трактовки причинности побуждают вспомнить пришедшие из механистической картины мира аналогии с естественными науками, а заявленная попытка преодоления односторонности двух методных техник стала по сути апологией количественных (читай — статистических) методов, поскольку была построена на методологически некорректной абсолютизации квантификации.

Заметим, что в компаративистике «process tracing», выполняя функции прослеживания причинных механизмов, сыграл роль также в качестве сравнительной методологии решения вопроса о том, нужно ли изучать статистическое множество случаев, чтобы получить обоснованный результат. Ответ был отрицательным, поскольку изучение возможно посредством рассмотрения отдельных казусов.

Осознание эвристической уязвимости безапелляционной ставки на количественную парадигму и попытки ее балансировки обрели концептуальную форму спустя десятилетие [Rethinking social...]. В фокусе критики оказались завышенные возможности количественных техник и недооценка потенциала качественных методов. Эта и последующие дискуссии показали, что заимствованное из естественнонаучной сферы узкое понимание причинности не только не является универсальным (и доказуемо преимущественно в искусственных условиях), но и оставляет вне сферы рассмотрения механизм причинности, ограничивая тем самым возможности концептуального понимания каузальности. Исключительное сведение фокусов исследования только к выявлению детерминистских связей неправомерно девальвирует потенциальные эвристические эффекты иных гносеологических форматов, включая фокусированные case-studies, типологизации и классификации, которые, даже если они традиционно уступают в эвристическом плане анализу каузальности, отнюдь не лишены познавательной ценности.

Завышение возможностей количественных методов неоправданно и потому, что они не позволяют выявлять эффекты сочетанной каузальности, успешное распознавание которых стало возможным благодаря разработанному Чарлзом Рэгином качественному компаративному анализу (QCA) [Ragin The Comparative...]. В компаративистике методология QCA (именно методология, а не только логическая техника) родилась не просто как результат качественно-количественных (Q/Q) дебатов, а как стратегия расширения возможностей описания более полного многообразия; кроме того, эта методология решала ряд методических проблем сравнения. Ставка исключительно на количественные методы не позволяет критически оценить их издержки, порой весьма существенные: ошибки измерения; неточности и искажения при отборе казусов; проблематичность получения адекватных характеристик сложных объектов, чреватая системным упрощением. Качественные исследования в основном избавлены от этих издержек — при углубленном изучении фокусированных сравнений не актуальна проблема отбора казусов; более последовательная концептуализация снимает проблему концептной натяжки.

Хотя около десяти лет назад казалось, что дебаты Q/Q в основном окончены [Brady, Collier, Vox-Steffensmeier Overview... p. 1040], они продолжаются. В одном из последних обзоров этих дискуссий Дж. Герринг констатирует, что качественный подход часто считается противоречащим современным стандартам анализа и недостоверным по той причине, что он способен представлять несколько правдоподобных точек зрения на предмет, ни одна из которых не может быть окончательно доказана или опровергнута. На самом деле, это недостаток, лишь если речь идет о проверке гипотез, однако если задача состоит в выдвижении новых гипотез, то это, наоборот, достоинство. Ключевое

преимущество качественных методов заключается именно в их способности генерировать новые концепции и новые рамки анализа [Gerring Qualitative methods].

В процессе длительных дебатов сторонников двух групп методов сложилась третья позиция — комбинированное применение качественных и количественных методов в рамках единой стратегии. Для ее обозначения применяются различные понятия: триангуляция, «сочетаемые» исследования, мультиметодные исследования, комбинированные, интегративные/объединенные, синтезированные методы. К настоящему времени в качестве общепринятого закрепился термин смешанные методы (mixed methods). Смешанные методы сочетают разнообразные качественные инструменты со статистическими подходами там, где это возможно. Особый интерес представляет nested analysis («совмещенный», или «гнездовой» анализ) [Lieberman]. Сторонники комбинированных методов ратуют за использование «аналитического нарратива» [Laitin; Фидря; Смирнов, Фидря] и/или «трипартистских» методов, включающих статистику, формализацию, нарратив.

Вместе с тем не стоит рассматривать смешанные методы, при всех их достоинствах, как панацею. Несмотря на то, что мультиметодные исследования становятся все более распространенными, имеются серьезные вопросы в отношении их эффективности [Gerring Qualitative methods]. Их использование также не свободно от изъянов — слабая совместимость теоретико-методологических и философских оснований, лежащих в основе различных используемых методов; сложность построения общей для количественных и качественных методов концептуальной рамки в качестве непротиворечивого базиса исследования; разные форматы сбора и обработки данных различными методами, следствием чего могут быть несопоставимые форматы различных блоков изучаемого объекта.

Таким образом, с разработкой смешанных методов проблема методической корректности компаративистики не исчезла, но обрела новое измерение, связанное с возникшим искажением в применении количественных методов, о чем в полный голос заявил на XXIV Всемирном конгрессе политической науки Р. Таагепера. Свой жесткий диагноз («Политология от полной «ненаучности» переходит ко все большей «псевдонаучности») Таагепера делает в том числе на основании анализа методического инструментария: «Это произошло, поскольку бессмысленная обработка статистических данных вытеснила логическое моделирование» [Taagepera Science...].

Тревога Таагеперы, физика по первому образованию, убежденного сторонника и разработчика количественных методов, связана не с проблемой Q/Q — сегодня очевидно, что те и другие равно востребованы и взаимодополняемы. Его озабоченность относится к неверному пути, по которому пошла эволюция количественных подходов: палитра количественных методов в значительной мере сведена к статистическим методам, чаще всего к методам линейной регрессии. Причем, по оценке Таагеперы, данный методический дискурс обрел обязательный характер в том числе из-за практики профильных профессиональных журналов — авторов, осуществляющих «логически обоснованное количественное исследование, порой принуждают к добавлению бессмы-

сленных линейных моделей» [Taagepera Science...]. Вместо того чтобы использовать статистику как инструмент, ее превращают в подобие религиозной литургии: «Слишком много рецензентов научных журналов выступают ревностными служителями такой религии. Они навязывают исполнение ее ритуалов даже тем исследователям, которые от нее далеки. Статистические методы — полезные инструменты. Они как долото. Но горе тому обществу, где каждый принуждается использовать долото и для выпиливания, и для копания или где количественные исследования упрощаются до одной статистики» [Taagepera Science...].

Р. Таагепера не одинок в критике неоправданного применения квантификации (в связи с чем он призывает к большему использованию качественных методов в политологии). На издержки неверного применения статистических методов и/или его неверной интерпретации обращают внимание и другие исследователи [см. в частности: Gigerenzer; Kittel; Longford; Schrodtt; Valentin, Aloe, Lau.] Эта проблема поднималась представителями возникшего в начале XXI в. в американской политологии «перестроечного» движения [Perestroika!.. Making Political...]. Хотя повестка движения была пестрой, его ключевой тезис состоял в том, что мейнстрим слишком полагается на использование количественных методов, моделирование на основе теории рационального выбора и теории игр. Предлагая расширить палитру методов, обладающих потенциалом критической рефлексии реальной политики, оппоненты мейнстримного подхода утверждали, что по аналогии с описываемой в самой компаративистике ошибкой «искать ключи не там, где они потеряны, а там, где светлее», дисциплина порой склонна двигаться не в том направлении, которое наиболее актуально для общества, а в том, которое лучше всего обеспечено данными [The Relevance ... p. 10]. Видные компаративисты Б.Г. Петерс, Г. Стокер и Дж. Пьер [The Relevance...] также ставят вопрос об адекватности практикуемых ныне методов современной политической реальности. Аналогична позиция Вернера Патцельта, который констатирует неоправданное использование количественных методов за пределами их реальной востребованности, получившее распространение в связи с позицией ряда профильных журналов и аттестационных комиссий. Обратной стороной этого тренда становится недооценка качественных методов (особенно уместных в вопросах выработки новых теорий) и сопутствующее падение уровня владения данной категорией методов. [Патцельт, с. 73–75].

Подчеркнем: все эти специалисты оспаривают не само использование в политической компаративистике количественных методов (то, что они абсолютно необходимы, сомнению не подвергается), а сведение всей палитры количественных методов к одной их категории, а именно линейной статистической регрессии, поскольку такой подход рискует подменить всю множественность социальных каузальных взаимосвязей их упрощенными версиями.

В отечественной компаративистике проблема избыточной квантификации не актуальна. Скорее, остро стоит проблема слабого владения сложными количественными методами анализа, и насущной задачей является ликвидация этой лакуны.

В целом истоки неблагополучия в методическом арсенале сравнительной политологии видятся не в профессиональном несовершенстве — они обусловлены объективным противоречием. Вероятностная природа политического знания побуждает искать более надежные инструменты доказательности, которые заимствуются из формальных наук, что сопровождается системной методной экспансией. Определенные резоны для этого есть: аргументация в формальном знании обладает существенными преимуществами в плане точности, глубины и фундаментальности; соответственно, более совершенными и развитыми выглядят познавательные средства, позволяющие достигать таких результатов. Однако эвристическая неэффективность сведения высших форм и более сложных явлений к их упрощенным вариантам очевидна. Построение сложных аналитических схем на основании простого суммирования информации о более простых формах методологически несостоятельно. А. Эйнштейн показал, что ни одну значимую проблему нельзя разрешить на том уровне, на котором она возникла, — требуется обращение к более высокому уровню. Неудачи попыток разрешения отмеченного противоречия в рамках собственно методической сферы возвращают нас к методологическим поискам. Именно формулировка методологических оснований анализа, в большей мере релевантных объекту, способна дать ключ к разрешению данного противоречия, и в этом заключается серьезный вызов для политической науки в целом и политической компаративистики в частности. Предварительным условием выбора/разработки методы выступает концептуализация, реализуемая в рамках методологического позиционирования стратегии.

* * *

Основные нынешние проблемы мировой и отечественной компаративистики во многом обусловлены упрощенным пониманием роли теории и методологии, которое обедняет и применяемые методные техники. Есть все основания говорить о системном редукционизме. Понимание методологии сводится к ее восприятию как метода, затем палитра разнообразных методов сужается — порой до одной категории внутри группы количественных методов. Этот двойной редукционизм обуславливает ограниченность современной компаративистики и политологии в целом с точки зрения адекватного отражения постнеклассической политики. Еще одним крупным теоретико-методологическим вызовом является императив преодоления разделенной оптики в анализе статичных и динамических (процессуальных) измерений нелинейных процессов и поиска алгоритма синтеза субстантивных и динамических измерений политики в адекватной постнеклассической политике оптике.

Однако мы склонны расценивать сложившуюся ситуацию скорее как кризис развития. Точнее, нынешний этап можно оценить — в логике модели «нормальной науки» Т. Куна — как эволюционную фазу аккумуляции, осмысления/переосмысления созданного ранее эвристического потенциала. Общепризнанное представление о циклах развития науки выделяет в каждом из них две несоразмерные по продолжительности фазы. Периоды долгого накопления данных сменяются кардинальными прорывами, после которых наступает новый длительный период освоения и развития полученных в результате прорыва результатов, исподволь готовящий новую

революцию. «Сова Минервы вылетает в полночь», — гласит известный афоризм Г. Гегеля.

В России значительная часть трех десятилетий, минувших после официального конституирования политической науки в конце 1980-х годов, прошла под знаком естественной «парадигмы освоения» (А. Богатуров), позволившей форсированным темпом и в целом успешно создать инфраструктуру (и субъекта) дисциплины. В настоящее время инерционное движение исчерпано, но выйти за его пределы пока не удастся. Данная фаза коррелирует с состоянием и мировой науки, которая находится в стадии переосмысления имеющегося потенциала, не предлагая больших идей и теорий, сопоставимых с масштабными парадигмами прошлого. Однако поскольку по многим направлениям ведется кропотливая «лабораторная» работа, вектор ближайшего развития выглядит скорее позитивным. Индуктивным и эмпирическим путем идут накопление и углубление политического знания, проверка и уточнение гипотез и теоретических конструкций. Это состояние можно выразить словами Гегеля: «Крот истории роет медленно, но роет хорошо»; потому и подлинно значимые события — «это не наши самые шумные, а наши самые тихие часы» (Ф. Ницше).

О продуктивности «негромкой», но добротной лабораторной работы свидетельствуют как результаты многих эмпирических проектов, так и восходящая динамика политологических исследований, многократно превышающая, к примеру, аналогичные показатели по истории. Разумеется, количественные индикаторы мало что говорят о качестве изысканий, но их кумулятивный эффект должен сказаться в будущем. Все это не отменяет актуальности поиска «технологий перезагрузки» — крайне важной является задача «выйти из гетто» описательных исследований [Мельвиль], что предполагает обсуждение возможных путей этого выхода. Компаративистике необходимы свои «Великие дебаты» о теории, методологии и методах, которые позволят реструктурировать поле, его теоретико-методологические и методные измерения.

Достойный ответ на эти внутренние вызовы может дать импульс к решению и более общих проблем, порождаемых меняющимися характер социальности технологическими сдвигами (искусственный интеллект, цифровизация политики, «большие данные» и т.п.). В совокупности все это помогло бы найти ключи к решению еще одной системной проблемы — оптимизации отношений между академической политической наукой и практической политикой, которые пока тяготеют к равно непродуктивным полюсам конформизма и конфликта.

Литература

- Авдонин В.С. Методы науки в вертикальном измерении (метатеория и метаязыки-органоны) // Метод. М. 2015. Вып. 5. С.265–278.
- Алексеева Т.А. Теория международных отношений в зеркалах «научных картин мира»: что дальше? // Сравнительная политика. 2017. Т.8. №4. С. 30–41.
- Алексеева Т.А., Минеев А.П., Лошкарев И.Д., Ананьев Б.И. «Квантовый подход» к международным отношениям / Отв. ред. Т.А. Алексеева. М. 2018.

- Алиева Н.З. Постнеклассическое естественнонаучное образование: концептуальные и философские основания. М. 2008.
- Алкер Х.Р. Политическая методология: Вчера и сегодня // Политическая наука: Новые направления / Под ред. Р. Гудина и Х.-Д. Клингеманна. М. 1999.
- Алмонд Г.А. Политическая наука: история дисциплины // Политическая наука. Новые направления. М. 1999. С. 69–112.
- Бауман З. Глобализация. Последствия для общества и человека. М. 2004.
- Бор Н. Избранные научные труды. Статьи 1925–1961 гг. М. 1971. Том 2.
- Гаман-Голутвина О.В. Отв. ред. Сравнительная политология. М. 2015.
- Гаман-Голутвина О.В. Политология как метадисциплинарная матрица // Международные процессы. 2016. Т. 14. № 1 (44). Январь–март (86–94).
- Гейзенберг В. Физика и философия: Часть и целое. М. 1989.
- Ильин М.В. Методологический вызов. Что делает науку единой? Как соединить разъединенные сферы познания? // Метод. М. 2014. Вып. 4.
- Ильин М.В. Современная политическая наука: кризис или развитие? // Политическая наука. 2018. № 1. С.40–67.
- Ильин М.В. Сравнительный подход в истории политической мысли // Современная сравнительная политология / Под ред. О.В. Гаман-Голутвиной. М. 2019.
- Ильин М.В., Фомин И.В. Чем и как могут насытить политические исследования математика, семиотика и морфология? // Ежегодник РАПН. М. 2017.
- Локшин И.М. 20 лет дискуссии об обновлении методологии социальных наук // МЕТОД. М. 2014. Вып. 4.
- Мельвилль А.Ю. Выйти из «гетто»: о вкладе постсоветских исследований/Russian Studies в современную политическую науку // Полис. Политические исследования. 2020. № 1. С. 22–43. — URL: doi.org/10.17976/jpps/2020.01.03 (дата обращения: 14.05.2020).
- Патцельт В. Переживает ли политическая наука кризис? // Политическая наука. 2018. № 1. С. 68–92.
- Политическая наука: новые направления / Под ред. Р. Гудина и Х.-Д. Клингеманна. М. 1999.
- Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса: Новый диалог человека с природой. М. 1986.
- Смирнов В.А., Фидря Е.С. Сравнительный анализ проницаемости каналов рекрутирования властных групп в странах Прибалтики // Власть. 2016. №9. С. 98–104.
- Сморгунов Л.В. Методологический синтез в современной сравнительной политологии // Метод. М. 2014. Вып. 4. С. 300–310.
- Современная политическая наука. Методология. 2019 / Под ред. О.В. Гаман-Голутвиной и А.И. Никитина. М. 2019.
- Соловьев А.И. Политическая повестка правительства, или зачем государству общество // Полис. Политические исследования. 2019. № 4. С. 8–25.
- Степин В.С. История и философия науки. М. 2011.
- Торкунов А.В. Вызовы социогуманитарной науке в России // Полис. Политические исследования. 2018. № 5. С. 10 (8–16).
- Тоффлер Э., Тоффлер Х. Революционное богатство. Как оно будет создано и как оно изменит нашу жизнь. М. 2008.
- Фидря Е.С. Факторы и логики реконструирования смысла политического текста в условиях когнитивной и интерпретативной неопределенности // Полис. Политические исследования. 2019. № 4. С. 40–56.

- Хайдеггер М.* Новая технократическая волна на Западе. М. 1986.
- Чугров С.В.* Существует ли незападная политология? // Полис. 2016. № 4. С. 182–191.
- Achen C.* Toward a New Political Methodology: Microfoundations and ART // Annual Review of Political Science. 2002. Vol. 5. P. 423–450.
- Achen C.* Towards theories of data: The state of political methodology // Political Science: The State of the Discipline / Ed. by A. Finifter. Washington, D.C. 1983. P. 69–94.
- Achen C.* Editorial // Political Methodology. 1985. № 11.
- Almond G.* A Discipline Divided: Schools and Sects in Political Science. Newbury Park, L. 1990.
- Bartels L., Brady H.* The State of Quantitative Political Methodology // Political Science: The State of the Discipline / Ed. by A. Finifter. Washington, D.C. 1993. Vol. 2. P. 121–59.
- Beck N.* Political Methodology: A Welcoming Discipline // Journal of the American Statistical Association. 2000. Vol. 95. № 450. P. 651–654.
- Bennett J.* Vibrant Matter. Durham. 2010.
- Brady H.E., Collier D., Box-Steffensmeier J.M.* Overview of Political Methodology: Post-Behavioral Movements and Trends // The Oxford Handbook of Political Science. 2011.
- Bull H.* 1969. International Theory: The Case of a Classical Approach // Contending Approaches to International Politics / Ed. by K. Knorr, J. N. Rosenau. Princeton. 1969. P. 20–37.
- Collier D.* The Comparative Method // Political Science: The State of the Discipline II / Ed. by Ada W. Finifter. 1993. №105–19.
- Collier D., Munck G.* Building Blocks and Methodological Challenges: A Framework for Studying Critical Junctures // Qualitative & Multi-Method Research 15. 2017. № 1. Spring. P. 2–9. — URL: zenodo.org/record/1145401#.Xsgbs_8zbc (date of access: 15.04.2020).
- Dogan M.* Use and Misuse of Statistics in Comparative Research // Comparing Nations. Oxford, Blackwell. 1994.
- Gaman-Golutvina O.* Political Elites in the USA under George W. Bush and Barack Obama: Structure and International Politics // Historical Social Research. 2018. Vol. 43. № 4. P. 141–163. — URL: doi.org/10.12759/hsr.43.2018.4.141-163 (date of access: 15.04.2020).
- Gaman-Golutvina O.V.* Political Elites in the Commonwealth of Independent States: Recruitment and Rotation Tendencies // Comparative Sociology. 2007. Vol. 6. № 1–2. P. 136–157.
- Gaman-Golutvina O.V.* The Changing Role of the State and State Bureaucracy in the Context of Public Administration Reforms: Russian and Foreign Experience // Journal of Communist Studies and Transition Politics. 2008. Vol. 24. № 1. P. 37–53. — URL: doi.org/10.1080/13523270701840449 (date of access: 15.04.2020).
- Gerring J.* Qualitative methods // Annual Review of Political Science. 2017. Vol. 20. P. 15–36.
- Gerring J.* Social science methodology: A unified framework. Cambridge. 2012.
- Gigerenzer G.* Mindless statistics // Journal of socio-economics. 2004. Vol. 33. P. 587–606.
- Hargens L., Kelly-Wilson L.* Determinants of disciplinary discontent // Social forces. 1994. Vol. 72. № 4. P. 1177–1195.
- King G.* On Political Methodology // Political Analysis. 1991. Vol. 2. P. 1–30.
- King G., Keohane R., Verba S.* Designing social inquiry: Scientific inference in qualitative research. Princeton. 1994.
- Kittel B.* A crazy methodology? On the limits of macro-quantitative social science research // International sociology. L. 2006. Vol. 21. P. 647–677.
- Laitin D.* Comparative Politics: The State of the Subdiscipline // Political Science: The state of the discipline. American Political Science Association. Washigton, DC. 2002.

- Latour B.* Down to Earth: Politics in the New Climatic Regime. 2018.
- Lieberman E.* Nested Analysis as a Mixed-Method Strategy for Comparative Research // *American Political Science Review*. 2005. №. 99 (3). P. 435–452.
- Longford N.T.* Editorial: Model selection and efficiency — Is ‘Which model...?’ the right question? // *Journal of the royal statistical society. Series A. L.* 2005. Vol. 168. P. 469–472.
- Making Political Science Matter* / Ed. by S. Schram, D. Caterino. N.Y. 2015. P. 17–31.
- Meillassoux Q.* Science Fiction and Extro-Science Fiction. Univocal. 2015.
- Munck G., Snyder R.* Passion, Craft, and Method in Comparative Politics. Baltimore, MD. 2007.
- Neumann I.* Introduction to the Forum on Liminality // *Review of International Studies*. 2012. Vol. 38. № 2.
- The Oxford Handbook of Political Methodology* / Ed. by J. Box-Steffensmeier, H. Brady, D. Collier D. Oxford. 2008.
- Perestroika! The Raucous Rebellion in Political Science* / Ed. by K.R. Monroe. New Haven. 2005.
- Ragin C.* Redesigning Social Inquiry: Fuzzy Sets and Beyond. Chicago, L. 2008.
- Ragin C.* The Comparative Method: Moving Beyond Qualitative and Quantitative Strategies. Berkeley. 1987.
- The Relevance of Political Science* / Ed. by G. Stoker, B.G. Peters, J. Pierre. N.Y. 2015.
- Rethinking social inquiry: diverse tools, shared standards* / Ed. by H. Brady, D. Collier. 2004. (2nd ed.: 2010).
- Roberts M.E.* What is Political Methodology? // *PS: Political Science and Politics*. 2018. Vol. 51. № 3. P. 597–601.
- Schmitter Ph.* The nature and future of comparative politics // *European Political Science Review*. 2009. Vol. 1. № 1.
- Schrodt P.A.* Seven deadly sins of contemporary quantitative political analysis // *Journal of peace research*. L. 2014. Vol. 51. № 2. P. 287–300.
- Taagepera R.* Logical models and basic numeracy in social sciences. Tartu. 2015.
- Taagepera R.* Making social sciences more scientific: The need for predictive models. Oxford. 2008.
- Taagepera R.* Science walks on two legs, but social sciences try to hop on one // *International political science review*. Beverly Hills, Calif. 2018. Vol. 39. Iss. 1. P. 145–159.
- Valentine J.C., Aloe A.M., Lau T.S.* Life after NHST: How to describe your data without ‘p-ing’ everywhere // *Basic and applied social psychology*. Mahwah, NJ. 2015. Vol. 37. № 5. P. 260–273.
- Wahlke J.C.* Liberal Learning and Political Science Major: A Report to the Profession // *Political Science and Politics*. 1991. Vol. 24. № 1.
- Wendt A.* Quantum Mind and Social Science. Cambridge. 2015.